

Лилеев Николай Иванович
Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна
28.04.2004

Кассета №1, сторона А

«Н.И.» – Лилеев Николай Иванович

«И.Ф.» – Флиге, корреспондент

«Л.С.» – жена Лилеева Н.И.: Людмила Сергеевна Лилеева (Мила)

- Н.И. Я всегда на все готов, вы знаете, что вы хотите, чтобы я рассказал?

- И.Ф. – Расскажите о себе, о своем детстве, как вот ранее детство, кто воспитывал там – няня, там бабушка, дедушка – вот это вот. К чему, именно домашнее воспитание, домашняя жизнь, как это повлияло на ваше мировоззрение...

- Н.И. Нет, у меня воспитывала моя мама. И ей помогала бабушка, мамина тетя, как я писал [см. воспоминания].

- И.Ф. - вы где жили?

- Н.И. - Это в Петербурге, в Петербурге. А до двух лет я жил в **(Щекотово [так?])**, возле имения бабушкиного.

- И.Ф. - Это где?

- Н.И. - Под Ярославлем. Вот тут есть же фотография, даже развалины этого храма, замечательный храм был. Вот, и там была няня, действительно, ну, об этом мне как-то никто ничего не рассказывал.

- И.Ф. - когда вы в имении жили, воспитывали мама или бабушка?

- Н.И. - Мама и бабушка, да. Мама и бабушка.

- И.Ф. - А дедушка, тети и дяди... (перерыв в записи). У вашей семьи осталось имение после 1917 года?

- Н.И. - Такого не было, потому что действительно все было национализировано, все было отобрано.

- Л.С. – Николай Иванович в 21-м родился...

- Н.И. - Да, вот...

- И.Ф. - И вы родились там, в имении?

- Н.И. - Там родился, в Ярославле. Где – тоже я не знаю. Как-то это как раз для меня довольно все теперь уже трудно восстановимое. Вот меня привезли в Петербург в двухлетнем возрасте. 2-я линия Петроградской. И я попал в семью, значит, родители, бабушка, и все. Вот мы вчетвером жили...

- И.Ф. - Мама, папа, бабушка...

- Н.И. - Да, да. Все хозяйство вела у меня мама и помогала ей бабушка.

- И.Ф. - А отец?

- Н.И. - Отец работал. Очень много. Он мне рассказывал, что я ползал по роялю, а он там чертил какие-то схемы, он как раз защищал, не знаю уж которую диссертацию. Он же закончил химико-технологический институт и университет.

- И.Ф. - И работал он в то время кем?

- Н.И. - Работал он у нас над алюминием. Он первенец советского вот алюминия. Он даже в то время имел заграничные командировки. Вот что меня и удивляет – был человек за границей и все-таки его не арестовали и не расстреляли. Это я до сих пор никак не могу понять.

- И.Ф. - А мама?

- И.Ф. - А мама что – мама работала, сколько могла [до пенсии], в училище музыкальном на Чернышевском переулке, там было музыкальное училище, она туда пешком ходила.

- Л.С. - С Марата [улица].

- Н.И. - Да, с Марата. А потом, когда она уже не смогла, у нее был сильный артроз – суставы не работали, и она уже перестала работать, но на дому давала... Девочкам, я их хорошо помню, очень хорошие девочки приходили – она их учила на рояле.

- И.Ф. - Но это уже потом, это позже. А вот в вашем детстве – мама не работала, когда вы были маленьким?

-1 Она вообще тогда не работала. Она работала вот преподавателем музыки, то есть она работала, конечно, вот в этом музыкальном училище...

- И.Ф. - В 20-е годы она работала?

- Л.С. - Да. Частично, - дома ...

- Н.И. - Да, да, да. работала еще. И бабушка моя работала.

- И.Ф. - А бабушка кем?

- Н.И. - Она закончила библиотечные курсы, и была в школе библиотекарем.

- И.Ф. – скажите, пожалуйста, когда семья переехала в Петербург – в каком году?

- Н.И. - Когда вот? В каком году это могло быть?

- Л.С. - Сейчас я скажу... Папа стал учиться в 16-м... подожди, в 11-м он кончил, в 11-м он же поступил в университет, а где-то в 16-м, вот, я не знаю – помнишь, у него есть фотография, где он в царской форме, папа? Началась же Отечественная война, первая мировая, я не знаю, наверное, после революции сразу. (перерыв в записи)

- И.Ф. - Так вы когда переехали в Петроград?

- Н.И. - В 23-м году.

- И.Ф. - В 23-м году... А давайте еще раз, вернемся – вы родились в Ярославле...

- Н.И. - В Ярославле...

- И.Ф. - А отец тогда кем работал?

- Н.И. - Он тогда учился. Он окончил гимназию в каком году?

- Л.С. - Нет, он уже не учился, в 11-м он кончил гимназию. То есть он уже учился здесь [в Петрограде].

- Н.И. - Учился здесь... а что он, а как же, а заработок какой был тогда? Он же должен был где-то работать?

- И.Ф. - А родители где познакомились?

- Н.И. - В Ярославле, в Ярославле. Дедушка, он был под Ярославлем, вот, родился - погост Онуфриевская А у него был свой дом... близко от набережной?

- Л.С. - Близко от набережной, да, в Ярославле.

- Н.И. - Ну, там довольно большой дом, он организовал частный приют тогда на свои средства для, по-моему, для этих, для сирот, вот первой мировой войны.

- Л.С. - Да.

- И.Ф. - А он был состоятельным человеком, да?

- Н.И. - Да, но у него высокий духовный сан был.

- Л.С. - Он был протоиереем, вот этот он был.

- Н.И. - Он митроположенный был, он... Вот что ужасно - Он написал вот четыре толстые тетради о своей жизни. Он даже при дворе был. Он эти тетради толстые вот отдал своим детям прочитать и уничтожить. Ну и что? Законопослушные, ну, может это и правильно – прочли, ну а мне что тогда было? Три года, два-три года...

- И.Ф. - Это когда дедушка умер, да?

- Н.И. - Нет, это еще при жизни, его же четыре раза брали [арестовывали]...

- Л.С. - В 37-м его расстреляли.

- Н.И. - И в 37-м только расстреляли. Вот даже ездил я туда, вместе с отцом – навещать его, вот туда, под Онуфриевское... недалеко от Онуфриевского, в деревне Гнилево. Это совсем недалеко есть такая река Устья, и вот мы ездили – дядя Леня, брат отца, папа и я. И вот тогда навещали. Он отдал нам митру на хранение. И потом, когда его отпустили [освободили из лагеря], по наивности, конечно, ему ее отдали и при следующем аресте ее тоже конфисковали, конечно.

- И.Ф. - А вы помните – как дедушку арестовывали или нет?

- Н.И. - Нет. Нет, это все было там, под Ярославлем. А мы жили... Бабушка только приехала к нам, и она жила в нашей квартире вот после одного из арестов. И у нее была своя комната в нашей квартире. А всего было три комнаты...или четыре... погоди, три...

- Л.С. - Четыре.

- Н.И. - Четыре. И четвертая большая темная там была.

- И.Ф. - Это приехала вторая бабушка, да?

- Л.С. - Да, вот...

- Н.И. - Да. Лилеева, урожденная Крылова. Это тоже они все духовного звания.

- Л.С. - Она была из...

- Н.И. - А ее родные сестра и братья жили на Поварском, дом 5. Я туда часто к ним бегал мальчиком. Как раз рядом церковь красивая была, которая, жалко, что из нее баню сделали. Я туда ходил...

- И.Ф. - Это отец и мать отца?

- Н.И. - Да, да, да.

- И.Ф. - А бабушка – мамина мать с вами жила?

- Л.С. - Мамина тетя.

- Н.И. - Мамина тетя.

- И.Ф. - А мамина мать?

- Н.И. - А мамина мать... тут какая-то семейная тайна, в которую меня не посвящали, но отец расстался со своей женой...

- Л.С. - Нет, он умер.

- Н.И. - При жизни, Мила. Просто мать их не допускали вот в семью Кокуевых.

- Л.С. - нет..

- Н.И. - Да, Мила, я знаю, нет...

- Л.С. - Дедушка в 1907-м году умер в Шлиссельбурге.

- Н.И. - Ну ладно, Мила, не важно. Так мне **Витя** рассказывал.

- И.Ф. - И ваша мама – ее кто воспитал?

- Н.И. - Вот, бабушка. Моя, как я ее называю бабушкой, тетя. Она ее всю жизнь тетей звала. И даже вот когда мы жили в И все четверо детей ею воспитывались. То есть старшая Анна, потом эта...

- Л.С. - Варвара, Рафаил и Николай.

- Н.И. - Да, Варвара, Рафаил, и младший Коля, Николай.

- И.Ф. - А вашу маму как звали?

- Л.С. - Анна, самая старшая.

- Н.И. - Самая старшая, да.

- И.Ф. - И жили в усадьбе? И никто оттуда не гнал?

- Н.И. - Туда они как раз из дома пришли, когда их выгнали, а там пока было все спокойно.

- И.Ф. - А чья эта усадьба была?

- Н.И. - Бабушкина. Татьяны Рафаиловны, да.

- И.Ф. - А почему ее оттуда не гнали?

- Н.И. - Она жила в городе, то есть, может быть, еще и не знали об этом [о национализации]. Из города, из Ярославля, она бежала в Петроград, взяв с собой очень мало вещей. Потом уже кто-то ей кое-что переслал. И когда вот мы с Милой были в Щекотово, то там старушка, которая на девять лет меня старше, да, как будто бы?

- Л.С. - Да, на девять.

- Н.И. - На девять. Она помнит все это, я с ней разговаривал. Она говорит – тут мы все считали, что бабушку расстреляли, Татьяну Рафаиловну. Как она ее называла – барыня, что ли?

- Л.С. - Барыня, барыня...

- Н.И. - Потому что ее муж, по-моему, конюхом был у моей бабушки. В общем, они работали. Они были, видимо, очень богатые люди. Потому что они колоссальные

пожертвования делали на церковь. Вот эту церковь, которой фотография есть, и вот это имение бабушки – они были совершенно... чуть ли не общий забор, да? Там, рядом. В общем, совсем рядышком.

- Л.С. - И все-таки она была почетной потомственной гражданкой, так это уже, видимо, не одно поколение было потомственных вот этих граждан, так что они, видимо, богатые люди.

- Н.И. - Богатые были. Да, и вот потом эта же женщина, баба Оля, да? Ну, там в ее [неразб] написано, она говорит - здесь на моих же глазах все растаскивали. И из имения, и из церкви. И вот тащили, тащили, тащили – все к себе.

- Л.С. - Образа [иконы] они просто увозили, она рассказывала.

- Н.И. - Да, кто что только мог увезти. А сейчас там охотничий домик. Это вот в бабушкином имении, да, туда иностранцы приезжают [в настоящее время]...

- Л.С. - Платят по лицензии деньги колоссальные там, так что...

- Н.И. - Но вот зайти вовнутрь я не так и не смог, потому что было воскресенье, домик не работал. А все-таки туда добраться не так легко.

- И.Ф. - Это вы в каком году ездили?

- Л.С. - Года три назад, наверное.

- Н.И. - Нет, больше. Лет пять, наверное.

- Л.С. - в 2000 году мы ездили.

- И.Ф. - А когда вы в Петрограде в 23-м году оказались, вы не бедствовали? Отец достаточно зарабатывал?

- Н.И. - Очень даже скудно жили. Очень скудно. Вот я, например, - одно яблоко мне было на ночь [перед сном давали]. То есть я каждый день съедал одно яблоко. Папа был прикреплен к закрытому распределителю, вот туда иногда выдавали то селедку дадут, то вдруг монпасье [конфеты], вот я всегда очень радовался, знаете, да, эти? Очереди... Колоссальные, я там писал, очереди за керосином, стояли часами. Но в театры все-таки мы ходили. Вот сестра моего отца, Мария Сергеевна, так вот тетя Маруся, она потом тоже переехала жить в нашу квартиру, когда уже вот умерла бабушка, Вера Константиновна, вот бабушка, она к нам переехала. Работала она сперва наблюдателем где-то в Лисьем Носу, в общем, метеорологом, а потом перешла в ОВИР, и до самой смерти, или вернее, до пенсии, до старости глубокой, она работала в ОВИРе. И там был какой-то сотрудник, Семен Николаевич Челадзе, который доставал дешевые билеты. В Мариинский [Большой драматический театр], еще куда-то, я больше всего любил Мариинский, галерка, первый ряд. Называлось у нас бриллиантовые места. Очень часто ходили.

- И.Ф. - А где вы жили в Петрограде? Вот в 20-е годы?

- Н.И. - На улице Марата. Вот через дом от церкви разрушенной...

- Л.С. - Марата, 9.

- Н.И. - Может, видели, да, такая архаичная церковь...

- Л.С. - Там ремонтируется сейчас, гостиница «Гельвеция», толи еще какая-то вот такая, какое-то название...

- И.Ф. - А у вас квартира была отдельная или коммуналка?

- Н.И. - Отдельная квартира. Отдельная квартира, вот три комнаты такие нормальные, четвертая темная и очень большая кухня, через которую был вход. Ведь это же хозяйка вот этого дома – она разделила свою большую квартиру пополам. Вот, черную часть, прислугу, она отдала нам, и у нас был только черный ход, а она себе оставила парадный вход, парадные комнаты, а какое-то вроде фонаря было пристроено, вот на углу вот так – вот тут парадная, а тут наша часть, а вот тут такой переход был, и там кухню мы себе сделали. Ну, об этом я тоже пишу.

- И.Ф. - расскажите, что вы такое первое детское помните? Песни мама пела, или бабушка, может, сказки рассказывала – вот на чем...

- Н.И. - Воспитывался я... все принимали участие. Даже папа в свободное от занятий время, хотя он много очень работал, он любил мне что-нибудь рассказывать. А

потом, когда я подросток, любил со мной в футбол играть в коридоре. Он вообще был заядлый футболист, еще в юности. Тоже я это пишу, что он был нападающим и его, в общем-то, боялись. Ходил на футбол, обязательно на футбольные матчи и меня с собой брал.

- Л.С. - До старости теннисом папа увлекался.

- Н.И. - Да, теннисом, и теннисом, да. И я очень переживал, когда он перестал играть в теннис, я уже потом На бега ходил. Любил в бега играть. Он, видимо, был человеком...

- Л.С. - Ипподром.

- Н.И. - Марата 90, ТЮЗ бывший, там был ипподром, и у нас... (перерыв в записи) у нас у родителей бумажки были – это все программы ипподрома. ..., соревнования жеребцов и кобыл, он туда любил ходить.

- И.Ф. - А вас брал?

- Н.И. - На ипподром – нет, не брал. Квартеты устраивались. Вот это я очень любил.

- И.Ф. - Ну а какие сказки или песни?

- Н.И. - Папа даже немножко сам сочинял музыку. У него, вот я не знаю, сохранилось ли, наверное, вот там, у **Левы** остался, песни, которые хотели издать даже, но, романсы, но сказали – это слишком несвоевременно, в общем, ему сказали.

- И.Ф. - что он сочинял – романсы?

- Н.И. - Романсы, да.

- И.Ф. А мама пела?

- Н.И. - Мама пела, она любила петь.

- Л.С. - Папа играл и пели, они оба, мама консерваторию закончила как-никак все-таки.

- Н.И. - Играли очень много – тетя Шура, двоюродная сестра моей мамы, у нее великолепный голос и у папиного брата, Юрия, он даже пел одно время в Александринском театре...

- Л.С. - Александринский – это не...

- Н.И. - Что?

- Л.С. - В Александринском нельзя петь. Это драматический театр.

- Н.И. - А, ну, в Михайловском. В Михайловском, в Михайловском, правильно. Малый оперный. Ну там он недолго пел, и пел в церковном хоре. Тогда еще, в общем, церкви не все еще закрылись.

- И.Ф. - А в какой церкви он пел?

- Н.И. - Ой, вот это я не скажу. И вот когда приходили – вот тетя Шура и дядя Юра, когда, они дуэтом пели, а аккомпанировал папа. Ну а мама рассказывала мне... а какие сказки? Ну, в общем, наверное, обычные, какие всем рассказывают. Ничего такого вот особого запоминающегося у меня нету.

- Л.С. - А на немецком языке сказки какие-нибудь читала она тебе?

- Н.И. - Нет. Нет. По-французски мне бабушка читала. У меня довольно много было книг «Библиотека Роуз» - это такие полу... для детей и юношества, и вот там есть новые сказки (феи), она мне читала по-французски. Почти все приходилось переводить, конечно, но тем не менее вот от этих сказок, от того, что с мамой мы через день говорили по-французски и по-немецки, все-таки языки как-то мне запали в душу.

- И.Ф. - Ну а к учителю вас не водили, это только домашнее было обучение?

- Н.И. - Одно время приходила дальняя родственница, Корнилова. Она родственница – дочь этого... забыл, заводчика, фарфорозаводчика Корнилова. Вот. Ну, они уже очень жили бедно, и вот она приходила к нам, с удовольствием обедала, ну и вот как-то чтобы... Она, конечно, очень была такая... интеллигентная дама. Ну, и чтобы ей – она мне как бы немецкий преподавала и ей за это... А потом у нас очень много от нее...

- И.Ф. - Подождите, а это было еще до школы?

- Н.И. - Да, да. До школы.
- И.Ф. - И кто вас учил читать и писать?
- Л.С. - Мама

- Н.И. - Да. Она вообще очень любила русский язык. У нее всегда на столе был орфографический словарь. Она всегда, да, впрочем, как и у нас сейчас – мы как какое сомнение, мы сразу смотрим, - по радио даже услышишь что-нибудь неверное. И вот она очень всегда строго следила за правильностью речи. Поэтому у меня, в общем, довольно грамотная речь оказалась. Она любила шить на швейной машинке. Ну и готовила. Помогала бабушке там что могла. С бабушкой я любил разговаривать, я ее называл – бабушка ты моя милая. Я ее очень любил.

- И.Ф. - А о чем вы говорили с бабушкой?

- Н.И. - Ну что с таким маленьким будешь говорить? В основном она мне читала, переводила, какие-то русские сказки рассказывала мне. В конце концов так не запомнилось.

- И.Ф. - А вот, кстати, какие праздники в семье отмечались?

- Н.И. - Церковные в основном.

- И.Ф. - И тогда что – вся семья собиралась, родственники приходили – как?

- Н.И. - Приходили, но...

- И.Ф. - Как это проходило?

- Н.И. - На кухне у нас был большой деревянный стол. То есть кухня у нас была колоссальная – вот больше этой комнаты [метров 30].

- Л.С. - Там больше двадцати метров.

- Н.И. - Стояла большая плита, над плитой был большой котел, в котором при топке нагревалась и из него вода внизу под полом по трубам шла в ванную. Но ванны там уже не было, там все, котел лопнул, вот в этой - позади этой, в комнате сперва жила бабушка Вера Константиновна, потом жила тетя Мария Сергеевна, а потом некоторое время она была моей комнатой. Так вот собирались в основном родственники. Но не обязательно все.

- Л.С. - Но много родственников...

- Н.И. - Ну, родня большая была, значит, у Ивана Сергеевича братья и сестры, теперь...

- Л.С. - Шесть человек детей.

- Н.И. - Да. У Крыловых... Они приходили.

- Л.С. - Вот тетя Эля, тетя...

- Н.И. - И мамина родня – двоюродные сестры, родные, они... одно время дядя Коля жил. Это младший самый брат ее, жил. Но он жил сперва в комнате вот тети Шуры вместе, а потом уехал в Горький, в Нижний Новгород, тогда он был хорошим очень инженером, на автомобильный завод, а потом вот перевели его в Новосибирск, там, по моему даже авиаконструкторский какой-то, в общем, он...

- И.Ф. - И на все церковные праздники собирались у вас?

- Н.И. - Собирались, да.

- И.Ф. - А кто был инициатором – мама, бабушка?

- Н.И. - А все. Готовила мама. А приходили кто хотел, у кого было время.

- И.Ф. - И как это проходило? Как?

- Н.И. - А проходило – вина у нас не было. Мы не пили, вообще. Потом уже, я не знаю, по-моему, после войны немножко стали появляться у нас красное вино, а до войны совершенно не было. Как-то, я помню, дядя Леня, а он единственный выпить любил, вот, как-то звонок – как раз свадьба у моих родителей [годовщина свадьбы], он пришел вот с такой колоссальной корзиной всяких вин. И умолял – ну [разрешить], не удержался. Ну он был юрисконсульт, так что он, видимо, зарабатывал. (перерыв в записи)

- И.Ф. - Вот, так...

- Н.И. - Да-да, я слушаю.

- И.Ф. - А гулять куда ходили?
- Н.И. - Гулять? В каком возрасте? Когда был маленьким? В садик у Владимирской церкви.
- И.Ф. - Вы помните это?
- Н.И. - Помню. Помню, что мы туда ходили, я там ковырялся в чем-то. Тогда было вполне прилично вокруг этой церкви.
- И.Ф. - И с кем – с бабушкой ходили?
- Н.И. - И с бабушкой ходил, и с мамой ходил. Вот, с бабушкой вообще, и с мамой вот тоже, но гулял я больше, пожалуй, с бабушкой. Мы ходили часто гулять на Пески – знаете район, да? Там вот этот большущий дом рядом с Мальцевским рынком. Он выходит и на Греческий, и на 8-ю Рождественскую (Советскую). Вот мимо него проходили, в это доме вообще там жила вот Любовь Ипатьевна, но это не важно уже, и чего там?
- Л.С. - Родственники.
- Н.И. - Родственники, да. Наташа там жила – это двоюродной сестры моей мамы внучка. Ну, не важно, в общем, и ходили мы, и потом один я ходил к тете Шуре. Это двоюродная сестра моей мамы.
- Л.С. - Кузина, да.
- Н.И. - Вот которая великолепно пела. К сожалению, у меня была запись, но пленка пропала. Но это на старый магнитофон, в общем, сейчас бы и не проиграть.
- Л.С. - Про дачу рассказать...
- Н.И. - В Летний сад ходили.
- И.Ф. - А когда в Летний сад ходили, что вам рассказывали?
- Н.И. - Ну, конечно, дедушку Крылова – я там всех этих персонажей изучал. А вот насчет мифологии я не знаю, тут я... особенно меня не просвещали. Хотя вообще зря.
- И.Ф. - А в доме иконы висели?
- Н.И. - Висели. Во всех комнатах, и даже на кухне. Кухня-столовая. Они у меня почти все целы.
- И.Ф. - А в церковь кто вас водил?
- Н.И. - С мамой ходили в основном.
- И.Ф. - Часто?
- Н.И. - Нет, не часто. Но ходили. Но ходили в основном – мы любили Знаменскую церковь. Там сейчас метро. Потом если меня водили на причастие, то рядом на углу, где сейчас антикварный магазин какой-то, там булочная была, всегда покупали булочку.
- И.Ф. - расскажите, как вас воспитывали – наказывали, объясняли – как вот?
- Н.И. - Нет, наказывать меня не наказывали.
- И.Ф. - Но строго держали?
- Н.И. - Строго.
- И.Ф. - А как?
- Н.И. - А вот я даже не помню...
- И.Ф. - Не наказывали, а строго – ну это как?
- Н.И. - Нет, я не боялся, но... точнее, я, может быть, даже боялся, боялся просто, что на меня повысят голос. Это для меня уже было... мне это было неприятно. Я и сейчас вот не выношу, когда на меня повышают голос, я уже совершенно выбит из колеи.
- И.Ф. - А кто был главным, авторитетом?
- Н.И. - Мама, мама.
- И.Ф. - А отец?
- Н.И. - А отцу некогда было.
- И.Ф. - Вы не боялись отца?
- Н.И. - Пожалуй, нет.
- Л.С. - Он его практически не видел.
- Н.И. - А он и никогда ничего и не...

- Л.С. - Все время на работе.
- Н.И. - Он со мной вот иногда мне читал по-русски, иногда что-то объяснял, а иногда со мной в футбол играл. Ну что еще? И на даче в волейбол. Он вообще очень любил спорт. В волейбол через веревочку играли.
- Л.С. - На велосипеде не ездил? Папа?
- Н.И. - Нет. Ну и еще папа любил играть в винт [карточная игра]
- Л.С. - Все-таки в карты, наверное, играли.
- Н.И. - Да.
- И.Ф. - А это компания какая-нибудь была или...
- Н.И. - Родня. То есть, какая родня – это относительная родня. Ну, в общем, близкие люди. Приходили примерно одни и те же. Но сидели чуть не до утра.
- И.Ф. - А вот в чем-нибудь отличалось воспитание мамы, бабушки и папы – для вас вот для маленького? Были какие-нибудь такие...
- Н.И. - Конфликты? Разногласия? Нет, нет, никогда не было. В общем, всем руководила мама, конечно.
- И.Ф. - А было ли так, что школьником вам, может быть, что-нибудь хотелось и вы тогда папу спрашивали разрешения, что папа разрешит, а мама не разрешит?
- Н.И. - Нет. Нет. Я, в общем-то мне все разрешали. Мне только чтобы... главное требование – чтобы они знали. Поэтому даже уж я говорил – у меня как телефон в кармане. Тогда об этом никто не мог и думать. То есть если я задерживался – если я обещал, что приду в четыре, если я задерживаюсь, что я к четверем не приду, то я обязательно звонил по телефону. Вот, а что там, я у кого, что я пошел ли в кино – ну я скажу, что я ушел там в кино, я задержался у своего друга-одноклассника, – это пожалуйста. То есть меня с одной стороны очень свободно держали. Одного пускали. Вот сколько мне лет было, когда я ходил на Моховую? Я там это в воспоминаниях пишу. Я боялся хулиганов...
- Л.С. - Около десяти, наверное...
- Н.И. - Поэтому я вот шел по другой стороне улицы, и потом в дом вот так – напрямую переходил поскорее. Но тем не менее ходил я один, много и далеко, вот на Моховую, ходил на Пески один, причем ходил иногда по Греческому, а иногда по Лиговке. На Знаменской площади, ну, площадь Восстания, тогда вот там же целая паутина была из трамвайных путей. Так я старался так, чтобы через площадь, конечно, не идти.
- И.Ф. - А отец в партию не вступал?
- Л.С. – ну нет...
- Н.И. - А как вообще дома относились к советской власти?
- Н.И. - Резко отрицательно.
- И.Ф. - И это свободно обсуждалось?
- Н.И. - Это и так как-то было понятно. Ну вот иногда папа что-нибудь расскажет, вот я помню, это запомнил – он с таким смехом говорил: вы знаете, у нас был ученый совет, директор выступил, сказал, что знаете, товарищи, когда я не могу какое-то принять решение, я думаю – а как бы на моем месте поступил Ленин. И всегда принимаю правильное решение. Ну он со смехом это рассказывал. Вот, и поэтому я уже научился, я понимал, в общем-то, весь абсурд, ну и вообще, тяжелые условия того времени. И тем не менее в школе мне было хорошо, со всеми я дружил, у меня была нормальная жизнь. Я знал, с кем о чем можно делиться, я никогда о каком-нибудь таком высказывании не проговорюсь. Да и мне как-то не могло придти в голову так, даже случайно.
- И.Ф. - Ну вот вы же пошли в школу, не возникло вот это противоречие этики, морали? Советской и домашней?
- Н.И. - Вообще, наверное, да. Потому что вот первые годы, особенно когда я учился в 23-й школе, вот это петровское училище когда, на переменах я от всех в основном уединялся, так стоял, и я помню у столовой там колонны большие эти две перемены в зале, стоял так у стеночки, особенно не участвовал. А потом уже, в этой

школе, там, где сейчас библиотека, там уже были и друзья, у меня были друзья, нас трое вот особенно дружили. Ну а на политические темы мы не говорили.

- И.Ф. - Ну, политические темы – это понятно, что дети редко говорят, но какие-то простые вещи: ну, например, в школе всегда проходят Павлика Морозова. Как вы относились к этому герою? (перерыв в записи)

- Н.И. - Вот я там в воспоминаниях упомянул, как мы вот пошли провожать этого мальчика Скачкова, сына репрессированных. Нам был за это нагоняй, но у нас очень порядочные учителя, знаете, чуть ли не половина были еще старой закалки. Пожилые. И поэтому чего-нибудь плохого, конечно, никто ничего не говорил. А так мы спокойно обсуждали прочитанные книги, тогда ведь даже вот «Граф Монте-Кристо» мы все перечитали, но передавали друг другу из-под полы. Этого нельзя было. И «Трех мушкетеров».

- И.Ф. - А вот какие у вас были главные такие герои в детстве? Которые вот, ну так, романтические...

- Н.И. - Ну, я понимаю. Пожалуй, вот «Кожаный чулок», вот эти вот с индейцами меня очень это увлекался.

- Л.С. - Майн Рид.

- Н.И. - Майн Рид, да. По-моему, даже, они не были запрещены, мне кажется. Поскольку там борьба с индейцами, борьба за независимость, это было в духе того времени. И в то же время я с удовольствием читал Аркадия Гайдара.

- И.Ф. - А политические герои были какие-нибудь?

- Н.И. - Так трудно сказать. Нет, пожалуй, таких не было. Я любил путешествия, мне нравились вот великие исследователи – Амундсен там, про Кука я читал, эти мне нравились. Я всегда любил путешествия, и когда что-то новое открывалось – вот эти герои, последовать по их стопам не прочь был.

- И.Ф. - А скажите, ваши одноклассники знали, что вы в церковь ходите?

- Н.И. - Видимо, знали.

- И.Ф. - Вы говорили об этом?

- Н.И. - Я не говорил, видимо, об этом... один раз уж, раз такой разговор, я носил крестик. И он у меня выскочил из-под рубашки. И вот со мной учился такой Лихин, Юрий, он сказал – уберите, пожалуйста. Так вот. Ну это так просто случайно как-то получилось. По-моему, я не всегда пиджак носил.

- И.Ф. - А на уроках же была антирелигиозная, какое-то антирелигиозное воспитание? Как вы тогда себя чувствовали, как вы себя вели?

- Н.И. - А вы знаете, как такового антирелигиозного не было. Я помню, чтобы так, такое вот специально против религии. В пионерах я никогда не был.

- И.Ф. - А в комсомоле?

- Н.И. - Комсомол тем более, конечно.

- И.Ф. - А как вот – все вступают, а вы не вступаете – как вы это объясняли?

- Н.И. - У нас вот мои друзья ближайšie – они тоже не были пионерами, и, естественно, потом комсомольцами, не пошли.

- И.Ф. - Ну а как, и что – и не было никакого конфликта? И учителя вас не заставляли?

- Н.И. - Нет, нет, конфликта не было. Спрашивали, почему я – просто я - не хочу сейчас. Это просто... нас не принуждали.

- И.Ф. - И одноклассники?

- Н.И. - Нет. Одноклассники нет. А меня вообще уважали, вот, у нас в семье никто не курил. Я не курил. Я к курению относился как-то очень резко отрицательно. Но как-то мы пошли гулять с моими двумя этими, наиболее близкими, не помню, по-моему, Коля Семенов – давайте закурим. Тогда он купил уже папиросы курили. Я сказал, что вы, с ума сошли? Повернулся и ушел. Так они потом передо мною, ну, не то, что извинились, а как-то старались загладить. Говорили – послушай, да нет, ну что ты, подумал, что мы

действительно курим? Да ничего, мы это просто так побаловаться. То есть сейчас я расцениваю это как – меня уважали.

- И.Ф. - Это в каком возрасте было?

- Н.И. - Это было уже в 22-й школе, потом в 9-й, значит, это был, наверное, класс 5-6-й.

- И.Ф. - А как вы для определяли то, что... как вы для себя формулировали, что вы не будете вступать в пионеры? Что вам было в этом неприятно?

- Н.И. - Просто как-то мне это было дома внушено. Я не знаю, как. Но не было неприятно, что... мне казалось, что пионер – он чем-то хуже непионера. Хотя в литературе...

- Л.С. - Наоборот.

- Н.И. - Шло совсем наоборот. То есть это мне даже сейчас уже трудно объяснить. Ну у меня какое-то вот было внутреннее невосприятие.

- И.Ф. - А для вас это трудно было?

- Н.И. - Абсолютно нет. Все было очень естественно. То есть я себя практически ни в чем не насиловал. Это все как-то логично получалось. Например, мы ходили в тир, например. Но это, правда, к политике не относится, вот, на углу этого дома, там же, где сейчас, на втором углу Фонтанки, там был тир, пневматический тир, мы туда ходили, заходили, стреляли. Тогда по Невскому трамвай ходил. Поднимаясь на мост на Аничков, (от дома в школу [так?]), я редко, но, бывало, что когда еду на трамвае, мы на ходу соскакивали. И я в том числе.

- И.Ф. - Но вы считали, что это нехорошо?

- Н.И. - Считал, что это нехорошо.

- И.Ф. - Почему?

- Н.И. - Почему? Опасно, и неприятно. За это же милиционеры преследовали?

- И.Ф. - И никакие такие мальчишеские шалости вы считали, что это нельзя, да?

- Н.И. - Да.

- И.Ф. - Это как бы результат религиозного воспитания?

- Н.И. - Не знаю. Нет, едва ли, ну не так, чтобы очень у меня такое религиозное было воспитание. Это так, как одна из традиций. (перерыв в записи)

- И.Ф. - И разговоров о политике не было?

- Н.И. - Как таковых не было. Нет, мы между собой говорили, вот, что-нибудь обсуждали...

- И.Ф. - Что?

- Л.С. - Что послать дедушке [в лагерь].

- Н.И. - И что без конца посылки посылали, что дедушка арестован, что дядя арестован, поэтому я знал то, что до многих не доходило.

- И.Ф. - А вот скажите, вот арестовали дедушку, арестовали дядю. Вам сколько ведь лет-то было? Совсем мало?

- Н.И. - Мало.

- И.Ф. - А как вам мама объясняла, за что арестовали дедушку?

- Н.И. - За то, что он был священником. Что священников преследуют.

- И.Ф. - А дядя?

- Н.И. - А дядя – тоже я знал. Дядя, между прочим, это мне запомнилось, когда он приехал из Соловков, и он некоторое время жил у нас. И что-то пожил... там, картошку надо было купить, он мне говорит – скажи, где ты скорее купишь негнилую картошку? У частника или в кооперативе? Я говорю – конечно, в кооперативе. То есть у меня уже такое какое-то, поскольку все, ну вот, казенное было плохо. Ну, потом его, он работал на Сиверской, на каком-то заводе, потом его опять забрали.

- И.Ф. - И все время мама и бабушка собирали посылки?

- Н.И. - Посылки постоянно.

- И.Ф. - А вы в это участвовали?

- Н.И. - Нет. Помогал, может быть, кое-что помогал. А вообще нет.
 - И.Ф. - А письма?
 - Н.И. - Письма?
 - И.Ф. - Расскажите, как письма из лагеря от дедушки, от дяди – они приходили, этого семья ждала все время, вот как?
 - Н.И. - А писем очень мало приходило. Видимо, строго было. От дедушки я не знаю, я помню, может быть письма три всего. Так, чтобы уж дошли. А от дяди Рафы немножко больше. И то, уже потом более поздние. А из Соловков я вообще не помню, чтобы он написал хоть одно письмо.
 - И.Ф. - А вы не помните – вы сами писали письма дедушке и дяде? А вот кроме дедушки и дяди кто еще был в семье арестован или уволен с работы?
 - Н.И. - Вот расстрелян был Невский Александр Константинович.
 - Л.С. - Ну, это уже дальний родственник.
 - Н.И. - Дальний родственник, да, который жил на Поварском. Так сейчас трудно сообразить.
 - И.Ф. - Ну вот а как тогда, в 30-е годы – я все к школе...
 - Н.И. - Да-да, пожалуйста.
 - И.Ф. - Вот в 30-е когда, когда начались вот эти массовые уже аресты – как это в школе объяснялось? Во-первых, вы в доме – вы верили в то, что это враги народа?
 - Н.И. - Нет, нет. Нет, это абсолютно нет. А в школе у нас в учебнике истории вымарывали этих всех генералов там, кто...
 - Л.С. - Пятакова, там,
 - Н.И. - Пятакова, прошли, но...
 - И.Ф. - И молча, не обсуждали?
 - Н.И. - В школе?
 - И.Ф. - Между собой, да – ребятами.
 - Н.И. - А мы, может, все посмеивались, и все. Кто будет следующий.
 - И.Ф. - То есть спокойно вычеркивали...
 - Н.И. - Ну нам сказали вычеркивать, значит, надо...
- (конец записи)

Кассета №1, сторона В

- И.Ф. - скажите, из ваших друзей – у кого-нибудь были родители арестованы?
- Н.И. - Ну только Скачкова я знаю, больше нет. Нет, больше, в школе никого, ни у кого не было, близких. Может быть, какие-то дальние родственники, но не рассказывали. Поскольку и я не рассказывал, что у меня там дедушку, и дядю забрали.
- И.Ф. – когда начались вот эти, 30-е годы, там 36-й – во-первых, вот бывшие люди, когда высылали, вы помните – 35-й год, весной 35-го года высылали бывших людей из Ленинграда.
- Н.И. - Высылали.
- И.Ф. - Никого из одноклассников это не коснулось?
- Н.И. - По-моему, нет, во всяком случае я не знаю.
- И.Ф. - А вот уже там в 36-м, в 37-м, в 38-м – вот эта истерия поисков врагов народа – она как-нибудь коснулась школы, стали из одноклассников доносить на то, что кто-то...
- Н.И. - Нет. Нет, этого у нас в классе не было. У нас был преподаватель физики, мы его очень любили, вот его потом убрали из школы, как несоответствующего своей профессии.
- И.Ф. - А что же он такое сделал?
- Л.С. - Ну, кто-то настучал, наверное...

- Н.И. - Со школьниками был, очень хорошо относился так, например, много шутил с нами, ну вот нашли что вот его, и вот его убрали. А больше, пожалуй, я так никого не помню.

- И.Ф. - А когда ваши сверстники в комсомол вступали? В каком году?

- Н.И. - В каком?

- И.Ф. - Наверное, в 36-м, в 37-м?

- Н.И. - Может быть. Это как-то все незаметно, разные на торжественных приемах... (перерыв в записи)

- И.Ф. - А вот был у вас страх перед властью?

- Н.И. - Нет. И страха не было.

- И.Ф. - А мама с бабушкой – они не боялись?

- Н.И. - Они боялись, безусловно. Они все, и папа боялся – все боялись. А меня это не коснулось. Потом уже взрослым стал удивляться, почему, как так получилось, что мы все остались целы?

- И.Ф. - А в чем выражалось (перерыв в записи) А в чем выражалось то, что родители боялись, и бабушка боялась? Как это было?

- Н.И. - Может быть, правильней сказать, что не боялись, а ждали. Вот я там рассказал, как вот бабушки забирали для того, чтобы ей дать ответ о судьбе ее племянника вот дяди Раши. Мы знали, что постоянно к соседям, еще к кому-то приходили уполномоченные с милиционером, забирали, увозили. У нас вот была знакомая семья, которая немецкая, которые жили на Большой Конюшенной, там вот как раз вот около Петершуле, там целый дом вот просто были немцы. Такие. Вот мы знали, что ее выслали в общем ни за что. Что мать ее, которая жила только на уколах, тоже ее забрали, в машину и она в машине скончалась. Я даже, а вот кто мне об этом рассказал, я не знаю. Может быть близкие там соседи.

- И.Ф. - А мама как-нибудь готовилась к тому, что в любой момент могут придти с арестом?

- Н.И. - Да. Были чемоданчики, где все необходимое. То есть, если придут арестовывать, значит, взял и ушел.

- И.Ф. - А вам как-нибудь объясняли, как вы должны себя вести, если их всех арестуют?

- Н.И. - Нет. Видимо, считали, что я достаточно... А потом было много все-таки родни. Я туда, например, на Пески бы сразу мог бы уйти. Если бы на Поварском был, сейчас покойный, я бы туда, там бы меня... Нет, специально мне никаких инструкций не было.

- И.Ф. - А вы этих чемоданчиков не боялись? Не было у вас вот такого детского страха, что вот там такие специальные чемоданчики стоят, с которыми... нет?

- Н.И. - Нет, нет. Ничего не боялся. Я очень вообще был доверчивый. Очень доверчивый. Всем я доверял, что и своим я поэтому безусловно верил. Раз приготовлено – ну, значит, так надо.

- И.Ф. - Ну а как это – вы были доверчивы, но тем не менее советской власти вы не доверяли?

- Н.И. - Ну, ей нельзя было доверять.

- И.Ф. - А скажите, когда вы выбрали вот дальнейшую свою специальность, ну вот идею, кем быть – когда она у вас впервые возникла и менялась ли она потом?

- Н.И. - С этим вообще очень сложно, папа, конечно, очень хотел, чтобы я шел по его стопам, на химию. Но химия меня не очень тянула, но тем не менее я ж поступил в химико-технологический институт, на специальность «лаки и краски», причем когда я сдавал экзамен, я по истории КПСС двойку получил. Единственный пример. Остальные были четверки и пятерки. Вот, и как-то меня приняли, не знаю уж как. Может быть, потому что уже война была в Финляндии...

- И.Ф. - Это вы в 39-м году поступили?

- Н.И. - Да. Да, в 39-м и закончил школу... (перерыв в записи) Я отучился там два семестра. А потом уже меня сама судьба толкнула на электрику. Уже теперь я не могу сообразить – как так получилось, что, в общем-то, руки у меня хорошие всегда были. Я даже дядюшке там проводку делал, вот что-то там ему, выключатели я сам чинил, я хотел, правда, этого не получилось, котел, который грел воду над плитой пропаять и пролудить. И поэтому когда (перерыв в записи) Когда на шахту [в лагере] пришел вербовщик с этого, металлургического завода, я назвался электриком. И с честью выполнил...

- И.Ф. - На какую шахту?

- Н.И. - Ну я же в Германии...

- Н.И. - Нет, вот что я и хочу сказать – что я закончил хим. Потом меня забрали в армию. Все. Я потом больше ни с кем ничего не имел дела. И вот когда меня завербовали в электрики – я стал электриком. И когда вернулся уже, то естественно, что я поступил в технический, ну, в политехнический институт.

- И.Ф. - А с детства у вас не было такой определенности?

- Н.И. - Ну, видимо, тянуло меня. Потому что вот мой дядя Коля, вот который автомобили конструировал, потом самолеты, уже маленьким я знал закон Ома. Он мне объяснил его. Уже какие-то задатки были. Мне это нравилось.

- И.Ф. - А вы успели просто всего два месяца отучиться?

- Н.И. - Да.

- И.Ф. - И сразу забрали в армию?

- Н.И. - Сразу забрали в армию.

- И.Ф. - И как, и вот вас... ну, это мобилизация, да? Когда это было?

- Н.И. - В 39-м году. Когда вышел указ новый, что сперва отслужи, а потом будешь доучиваться. Я закончил срочно вот чертеж, мне сказали, что он мне зачтется так и меня... Я сперва вот тут на Песках как раз служил, а потом оттуда в лагерь, в Красное Село вот на лето, а из Красного Села меня отправили в Эстонию.

- И.Ф. - А что в Эстонии было?

- Н.И. - В Эстонии. Как раз уже ее, как теперь говорят, оккупировали, и та часть, в которой я служил, была туда направлена.

- И.Ф. - А какая у вас был специальность военная?

- Н.И. - Военная? Никакой. Я солдат. А поскольку я оказался наиболее грамотным, меня сделали библиотекарем, почтальоном.

- И.Ф. - вас в 39-м году забрали и когда вы в Эстонию попали?

- Н.И. - Вот, осенью 39-го.

- И.Ф. - А расскажите, как мама, бабушка провожали вас вот в армию – они очень по этому поводу переживали?

- Н.И. - Ну, когда меня в 39-м... нет, тогда обстановка в армии была вполне приличная, люди знали, что это нужно, что все служат, два года – это не так уж много, поэтому спокойно.

- И.Ф. - А вам не было противно служить в армии?

- Н.И. - Нет, почему?

- И.Ф. - Но в комсомол же было противно?

- Н.И. - Ну, потому что это-то партийное, а это – военное, ну как же, я, в общем-то, был патриотом всегда. Защищать Родину, какая бы она ни была – это тоже как-то мне привилось.

- И.Ф. - Ну а вот это как бы направление, а то, что в Эстонии армия оказалась – это вас не смущало?

- Н.И. - Я увидел просто немножко другую жизнь. А потом на моих глазах высылали несчастных эстонцев, это же я видел своими глазами, как их бросали в машины и увозили.

- И.Ф. - И как вот вы это понимали?

- Н.И. - С ужасом, с отвращением, уж я не знаю, как. Я знал, как у нас проходили, но такого массового у нас все-таки я еще не видел. Потому что действительно массовое, когда поголовно, всех выбрасывали из их жилья.

- И.Ф. - Но это делала не армия?

- Н.И. - Нет, нет-нет-нет. Кто делал – ну, какие-то внутренние войска. Это уже нас не касалось. У нас... я же служил в отдельном батальоне связи.

- И.Ф. - А как вы вообще относились вот к финской войне, вот к этому фронту в Эстонии – вот как вы к этому относились?

- Н.И. - А финская война уже кончилась...

- И.Ф. - Нет, ну хорошо, она кончилась, но как вы...

- Л.С. - Пресса же писала все, что...

- И.Ф. - Да, а как вам казалось все, что это такое?

- Н.И. - Справедливая или несправедливая? В общем, нет. Потому что как захватническая война. А к финнам у меня всегда было очень такое... хорошее отношение. Потому что я очень дружил с чухонцами вот с нашими питерскими, финнами, у меня... мы там много лет жили...

- Л.С. - На даче.

- Н.И. - На даче, и поэтому что, так сказать, наши войска идут на их родину, мне это было неприятно.

- И.Ф. - А в Эстонии такого не было ощущения?

- Н.И. - В Эстонии – никакого не было ощущения. Послали, отвезли в часть. Нам еще говорили, - На ночь говорили – по одному не ходите. А я по этому Кууросале один ходил, ходил в библиотеку, там я первый раз пришлось мне взять французскую книгу, я так удивился, что я знаю французский, могу книжку читать. Там с какими-то двумя немками я случайно познакомился. Они сказали – да что же, говорят, это: язык делает друзей. Они, правда, скоро уехали в Германию. И там произвело на меня впечатление колоссальное число велосипедов. А потом, все говорили великолепно по-русски, то есть в городе я не почувствовал большой разницы ну, от того же Ленинграда.

- И.Ф. - Ну а потом что было после Эстонии?

- Н.И. - Ну в Эстонии меня взяли в плен уже.

- И.Ф. - Прямо там?

- Н.И. - В Эстонии, на острове Сааремаа.

- И.Ф. - Это когда было?

- Н.И. - В самом начале войны.

- И.Ф. - Летом?

- Н.И. - Летом. Я то ведь наивно уже шил себе костюм, надо было ехать, эстонский портной мне шил, мерял там... Все, мой чемоданчик так и пропал.

- И.Ф. - А расскажите, вот как – вы же в армии были, когда война началась?

- Н.И. - В армии.

- И.Ф. - Вот расскажите, а...

- Н.И. - Как мы это восприняли?

- И.Ф. - Вообще. Как это происходило – как вам объявили, как вы восприняли?

- Н.И. - Объявили в ... радио. И все. Удивились, конечно. Ну, честно говоря, мы не ждали. Хотя вот потом, не помню, я помню, что вот Ониприев, командир, майор Ониприев, командир, он, видимо, ждал, что будет война. Ну а мы что – война началась, и тут уже не до мыслей. Потом нас послали на этот несчастный Сырве, полуостров Сырве, там такие жестокие бои были, но это как... прямо как в туманном, в тумане, в кошмаре.

- Л.С. - На всех были винтовки, интересно, или нет?

- Н.И. - Что?

- Л.С. - На всех были винтовки?

- Н.И. - Винтовки были, да. Винтовки были на всех, но вот мне винтовку дали уже, когда на Сырве пошли. Так что я ни разу и не стрелял. То есть на учениях я не был ни на каких, как...

- Л.С. - Грамотный.

- Н.И. - Как грамотный, как почтальон-библиотекарь.

- Л.С. - Печкин почтальон [шутит]

- Н.И. - Да. То есть никуда, там ходили на учения, на занятия, это самое, на строевую, меня это ничего не касалось. Жил я – там такой был Огаров, Сурен Мирандович, который (перерыв в записи) Да, он механик, и кто... ну, в общем, они эти самые... два армянина. Вот и я с ними должен был жить.

- И.Ф. - И дальше был плен?

- Н.И. - Плен.

- И.Ф. - А как вас везли в Германию?

- Л.С. - А еще были крестьяне, были, он же еще был...

- Н.И. - Нет, Германия еще далеко. А в Эстонию нас везли, еще это меня позабавило, там..., на этих, на пароходах, кто-то сказал: ой, смотрите – это еще украинские, говорит, пароходы.

- Л.С. - Мыслитель...

- Н.И. - Да, и вот везли и туда, и обратно в трюме. Вот через пролив. Из, с острова Суааре на материк. Потом в этих, в теплушках, на неубранном навозе. Потом вот мучительное время на Волге. Причем я там в общем написал... написал я подробно как вот я, перепрыгнув через труп, попал к эстонскому крестьянину. Вот, а потом жил как на курорте у эстонца. Конечно, я работал, научился всему и работал, по-человечески... хотя мне ...ну как по-русски?, но я выучил эстонский язык, меня одного отпускали на молотилку там помогать. В общем, там жил я очень хорошо.

- И.Ф. - А вот в это время...

- Н.И. - Сытная еда...

- И.Ф. - Я просто хотела спросить – вот это время такое, ну, как бы нормальное, почти мирное, как вы в это время вот политическую ситуацию воспринимали? Самой войны? Советские войска, значит, захватывали Эстонию, война...

- Н.И. - А я никаких известий там не имел. Я ничего не знал. Как только меня забрали в плен, нам же никакой информации не было. И вот уже первую информацию – это я получил в шахте от тельмановца ...

- И.Ф. - Шахта это уже в Германии?

- Н.И. - В Германии, да. А до этого мы же были совершенно изолированы.

- И.Ф. - Ну а изменила война как-нибудь ваши политические взгляды?

- Н.И. - Нет. Как я относился к советскому строю очень настороженно, так это и осталось. Как я любил Россию как таковую, и, в общем, я бы против воевать никогда бы не пошел. Так это и осталось. Как я хотел вернуться в Россию, несмотря на уговоры и на предупреждения, я все-таки предпочел вернуться ну и отсидеть десять лет. То есть воспитание оказалось довольно таким крепким.

- И.Ф. - А вот скажите, после того, как вы вернулись из лагеря, мама была еще жива?

- Н.И. - Да, да.

- И.Ф. - А что-нибудь изменилось в отношении...

- Н.И. - К кому?

- И.Ф. - Ну, прошел такой тяжелый период жизни, война – она же для мамы с бабушкой тоже была тяжелой...

- Н.И. - Они блокаду пережили. Но не всю. Потом, значит, в Новосибирске они, их эвакуировали.

- И.Ф. - А когда у вас восстановилась связь?

- Н.И. - Когда я попал на Печору [в лагерь]. Из Печоры я написал домой письмо, хорошо, что там жил дальний родственник, которое мое письмо переслал в Новосибирск. Вот, единственно, мне потом рассказали – они загадывали, что... пришли конфисковать мое имущество. Они говорят – он ушел восемнадцати лет, у него ничего абсолютно своего не было.

- И.Ф. - Это в каком году они пришли все конфисковать?

- Н.И. - Ну вот когда меня осудили, когда меня, значит, десять лет лишения свободы...

- Л.С. - 45-й год.

- Н.И. - Четыре только, нет, три года поражения в правах, три, и конфискация всего личного имущества.

- Л.С. - В Москве ... какой-то там Новосибирск ...

- И.Ф. - И тогда они поняли, что вас арестовали?

- Н.И. - Да. Тогда они поняли.

- И.Ф. - А до этого они вообще не знали?

- Н.И. - Они ничего не знали, ничего абсолютно.

- И.Ф. - Ни про плен, ни про...

- Л.С. - Нет, то, что он острове там...

- Н.И. - Там, я оттуда писал письма.

- Л.С. - Оттуда писал, из Эстонии, он писал, письма доходили, до войны.

- Н.И. - Да, до войн, конечно, нормально. Адрес был – Ленинград, 316, почтовое отделение, почтовый ящик 16, и такая-то квартира.

- И.Ф. - Но мама же искала вас – и что ей отвечали? Мама делала запрос в часть?

- Н.И. - Не знаю, она мне не говорила об этом ничего.

- И.Ф. - И когда вы встретились?

- Н.И. - Встретились нескоро. Ко мне в Печору приехал, дядя, брат папы, он [папа] оплатил билет, в общем он в материальном нормально жил, он оплатил поездку дяде, дядя Боря меня нашел, там, на Печоре, и там неделю прожил, несколько раз мы виделись [Н.И. во время свидания написал свои воспоминания про плен, арест и следствие. И передал их с дядей на волю].

- И.Ф. - А почему не папа поехал, не мама?

- Н.И. - Папе тяжело было, уже все-таки он постарше, но потом... трудно, конечно, это ему было. А мама вообще слабенькая была. Она потом приезжала, вот когда уже, когда... но так, на разведку в общем более молодого и энергичного послали. В после того, как он нашел, уже мама приезжала, два раза ко мне туда.

- И.Ф. - А когда вы освободились?

- Н.И. - Что когда?

- И.Ф. - Когда вы вернулись в Ленинград, в каком году?

- Н.И. - Меня же на сто первый километр...

- И.Ф. - Это в каком году?

- Н.И. - Когда это было?..

- Л.С. - Вернулся в 54-м... Ну, сразу после смерти Сталина, когда началась амнистия эта вот...

- Н.И. - Нет, я освободился, отсидев свой срок.

- Л.С. - Но ты девять лет сидел, а не десять.

- Н.И. - Правильно, это в зачет рабочих дней был. Сталин тут абсолютно не при чем.

- Л.С. - Не при чем?

- Н.И. - Да.

- И.Ф. - Хорошо, раз Сталин не при чем, расскажите, когда вы узнали о смерти Сталина – вы же в лагере были?

- Н.И. - Вот, был я в лагере, я так и не помню, то есть это как-то мимо меня прошло.

- Л.С. - Незаметно...

- Н.И. - Незаметно. Ну, сообрази, ты у меня [обращается к жене]... Где я был когда умер Сталин?

- Л.С. - В лагере, конечно.

- Н.И. - В лагере.

- И.Ф. - Ну а вы не помните, как это объявили, как реагировали...

- Л.С. - Люди остальные кричали, в воздух чепчики бросали, наверное, Георгий Яковлевич-то, наверное, обрадовался? Который двадцать пять лет должен был сидеть.

- И.Ф. - Ну как люди реагировали на смерть Сталина в лагере?

- Л.С. - Свечку поставить ему и все.

- Н.И. - Нет, конечно, это радостно было воспринято, но так, чтобы какого такого ажиотажа, я не помню. Там продолжалась, в общем, работа, да.

- И.Ф. - А когда вы вернулись уже из лагеря, у вас – ну как вот, первое впечатление, вас же не было в Ленинграде на свободе 15 лет. Сперва армия, плен, лагерь. Как вам было это, как вы входили вот в обычную такую жизнь? Были какие-то проблемы?

- Н.И. - В общем, видимо, были. Потому что вот даже... сперва меня устроили... Да, сперва я пошел (обмотчиком [так?]) вот, в Рогатку, в Луге немножко работал. Конечно, я себя ущемленным чувствовал. Неравноправным. Ну, и поскольку лишение гражданских прав, конечно, все это я, как такой, в общем, человек довольно спокойный, ну, не переживал этого особенно. Но, факт остается фактом, что я все-таки не такой, как все.

- И.Ф. - Это вас травмировало?

- Н.И. - Не очень. Не очень. А вот как я в воспоминаниях написал, что заплатить десятью годами, то есть я ни о чем не жалел. Вот, как я жизнь прожил, так, значит, оно и должно было быть. Что, всегда я думал, что могло бы быть много хуже.

- И.Ф. - А дальше вы учиться поступили сразу?

- Н.И. - Сразу.

- И.Ф. - То есть все-таки не было такого ограничения в правах, чтобы нельзя было...

- Л.С. - На вечернее он поступил. Вначале на заочный даже

- Н.И. - На вечернем можно было кому угодно поступить. Вот, и я в общем, готовил я русский и литературу, а их сдавать не надо было, математику я сдал не сдавая, язык я сдал сразу за весь курс...

- Л.С. - Сдал, не сдавая – это как это ты сдал, не сдавая?

- Н.И. - Ну, получил оценку, не готовясь...

- И.Ф. - скажите, как вы отнеслись к реабилитации?

- Н.И. - Собралось много народу отпраздновать это событие. Это, конечно, было событие. И пришла вот тетя Шура, и там пели, и на рояле играли, и даже на магнитофон там на нашем празднике это было записано. В общем, конечно, это было отлично. Ну, сами понимаете, что у меня было все время, ну, как с каким-то изъяном. А тут вдруг я оказался равноправным, и что имею право вот в анкетах писать «не судим». Это, конечно, на меня произвело впечатление.

- И.Ф. - А вы с этого момента решили... у вас изменилось отношение к советской власти? После того как они вас реабилитировали?

- Н.И. - Так а с чего меняться ему? Никаких причин не было.

- И.Ф. - И, в общем, у вас так в течение жизни отношение к власти, к политическому устройству не менялось?

- Н.И. - Нет, нет, равномерно все.

- И.Ф. - А скажите, потом, вот уже после лагеря, у вас был какой-нибудь период страха, ну, за...

- Н.И. - Что меня могут опять?
- И.Ф. - Да.
- Н.И. - Страх не было.
- И.Ф. - Или детей могут арестовать... Или что там книжки запрещенные читать нельзя, или там, ну, не знаю, самиздат – он же уже ходил по городу. Были ли какие-то вот эти страхи позднего уже периода? Там, 60-е...
- Нет, я вам скажу – опасение было, конечно. Опасение, безусловно, было, что я, раз я побывал за границей [в плену], значит, я уже полностью ненадежный человек. Вот мне Бог ведь послал - благодаря моей доверчивости, наивности, мне казалось, что раз меня реабилитировали, то все это как-то уже должно быть, забылось.
- И.Ф. - А, скажите, вот воспитание уже ваших детей – вы рассказывали про арест дедушки, про арест дяди, про себя?
- Н.И. - Рассказывал, но...
- И.Ф. - И как вы это детям объясняли?
- Н.И. - Ну, они очень... Они все знают, все знают – что я сидел, и что я был в плену – все знаю. Но как-то относятся к этому очень равнодушно. Видимо, то, что я вернулся вот такой, здравомыслящий, довольно здоровый, видимо, они воспринимают как ничего особенного не было.
- И.Ф. - А скажите, вот у вас два анкетных изъяна – один то, что вы были в плену, а второй то, что вы были в лагере – какой вы считали хуже?
- Н.И. - Хуже?
- И.Ф. - Да. С полицейской точки зрения.
- Н.И. - В лагере.
- И.Ф. - Нет, это вам было хуже. А я спрашиваю – у вас было с точки зрения советской власти два изъяна, один – это то, что вы были в плену, а второй – это то, что вы были в лагере. Вот что вы считали для советской власти хуже?
- Н.И. - Ах, так... Наверное, как раз все-таки, плен.
- И.Ф. - То есть вы считали, что это хуже?
- Н.И. - Я думаю, да, да.
- И.Ф. - Ну вот теперь осталось последнее – как вы познакомились. После лагеря или раньше?
- Н.И. - Познакомились мы в вечернем институте.
- И.Ф. - Это в каком году?
- Н.И. - В каком году?
- Л.С. - Я сейчас скажу... Наверное, 58-й где-то год.
- Н.И. - Мы в одной группе оказались.
- Л.С. - Случайно, да, совершенно.
- Н.И. - И даже, когда...
- Л.С. - Когда он пришел, мы думали, что это преподаватель.
- Н.И. - И они все встали.
- Л.С. - Повернулись, да, и мы все встали, студенты, в основном все такие зеленые, ну, конечно, он там постарше нас на много. Ну, а потом оказалось, что он тоже учится.
- Н.И. - Да, и потом так, в общем-то, подружился, ну, была такая довольно большая группа у нас, сплотилась, они все... мы же учились в Политехническом и я там работал, например, на лабораторные работы по электротехнике я из своей лаборатории приносил всем халаты, значит, там... А потом, когда – в лаборатории, там постоянно что-то отмечали... Вот и я стал частенько туда приглашать, в общем, так мы и познакомились.
- Л.С. - Да, он уже был женатый в то время. Он-то был женатый...
- Н.И. - Да, ну, в общем...
- И.Ф. - А вы женились когда – сразу после?..
- Н.И. - Нет, нет-нет-нет. В каком году я? – Давай, ты соображаешь быстрее, я...
- Л.С. - Ну где-то тоже в 57-м, по-моему, или в 56-м...

- Н.И. - Ну, Оля на десять лет моложе Кати, Саша Кати, ну вот, это сколько?...
- Л.С. - Оля 58-го года, значит, ты где-то в 57-м женились.
- Н.И. - Вот.
- Л.С. - Ну, когда мы познакомились, ты мне говорил, что у меня маленькая дочка там, то, се.
- Н.И. - Ну, Аня [первая жена] умерла от рака вообще, она очень...
- Л.С. - Ну мы еще до этого, ты развелся уже с ней, и мы еще в гости к ней ходили...
- Н.И. - Ну, это уже...
- Л.С. - В общем-то у нас были хорошие отношения с ней.
- Н.И. - Да, у нас были... Она тоже очень культурный человек...
- Л.С. - И тоже дочка священника, ...
- Н.И. - И тоже дочка священника, может быть, это ее толкнуло за меня выйти, но вместе жить не получилось. Это не значит, что у меня со всеми не получается.
- И.Ф. - А вы сразу узнали, о том, что...
- Н.И. - Что я, говорю, сидел?
- И.Ф. - Да, что вы сидели, что...
- Н.И. - Да, да.
- Л.С. - Да, он сразу рассказал об этом.
- Н.И. - Да, да, да. Я много об этом рассказывал, было так – вечерами ходили по городу, гуляли, и я очень много вот и подробно рассказывал о своей прошлой жизни.
- Л.С. - Ну, в общем, он бывал у нас дома, и мои родители так, в общем-то так, познакомились, тем более, что мы в одной группе по сути дела учились. И он работал рядом там недалеко, где я жила... В общем, так. Он почти сразу познакомился с моими родителями, и все.
- Н.И. - Ну и потом так я в общем-то по старинке, я как-то пришел к ее родителям, и говорю, что вот, я собираюсь жениться, как вы на это смотрите? Мама говорит – это вот как Сережа, папа. Он говорит – я не против. Она говорит – ну и вы мне нравитесь. Она еще спросила – что, у вас уже так далеко зашло? Я говорю – да вообще уже... лет-то много прошло.
- И.Ф. - А скажите, а в вашей семье папа, мама обсуждали то, что [неразб] диссиденты?
- Л.С. - Нет.
- И.Ф. - Или это... А как это вообще воспринималось?
- Л.С. - Ну, я не знаю, по-моему, так, нормально. Хотя вот у меня лично никого там не было в лагере, чтобы там сидели из родственников из ближайших, нет. Ну, как-то вот – папа у меня беспартийный был, и дядя... Но и никто у нас не партийные среди родственников, не знаю, какие-то мы... Правда, у нас никого – ни священников, ничего, все такие атеисты. Мама у меня 16-го года, под конец, она уже родилась в советское время, и, так сказать, наверное, и была и пионеркой, и комсомолкой, так что... так, не знаю. Никак не обсуждалось ничего.
- И.Ф. - А когда вам Николай Иванович рассказывал о лагере – для вас это было что-то совершенно новое или вы уже знали, что...
- Л.С. - Нет, я что-то уже знала, конечно, нет, я не могу сказать, что там шокирующее что-то я узнала от него – нет. Вот как-то, видимо, я что-то уже знала. Хотя я не могу понять – дома у нас на эту тему особо никогда не говорили, честно говоря. Не знаю.
- И.Ф. - Но у вас было такое какое-нибудь вот такое сильное впечатление от того, что вы думали, что эта власть хорошая, а оказывается вот так получается.
- Л.С. - Нет, в общем-то, конечно, у меня не было этого самого, что я так превозносила нашу власть. Я приблизительно знала, в каких мы условиях живем, как и что. Нельзя сказать, чтобы я особо любила, я никогда не любила на демонстрации ходить,

вообще вот такое, у меня было неприятное чувство, когда вот там в школе говорили, что, если, может быть, вы хотите идти на демонстрацию – нас не заставляли, а вот так приглашали. Но один раз побывав там, я поняла, что это все... неприятно мне было даже. Все эти лозунги, и эта ходьба, и то, что кричат с трибуны, как будто и неприятно. Я и сейчас не люблю смотреть, когда вот такие массовые бывают всякие. Не знаю, почему-то так.

- Л.С. - Моя мама всегда очень боялась толпы. Вот это я знаю, она мне всегда говорила – я ужасно боюсь толпы.

- И.Ф. - Но при этом вы вступали и в пионеры, и в комсомол?

- Л.С. - Да, да.

- И.Ф. - Как все?

- Л.С. - Это само собой разумеющееся было, как-то вот я, так особо даже не... как-то головой не додумывалось. Хотя вот когда нас, по-моему, принимали в пионеры, да, год я была каким-то членом там в главном отряде, не помню, как это называлось.

- Н.И. - Совет дружины?

- Л.С. - Нет, не в дружине, я именно в своем отряде...

- И.Ф. - Председатель совета отряда?

- Л.С. - Да. По-моему, толи в третьем, толи в четвертом классе вот один год я побыла вот в этой должности, и я поняла, что мне надо вообще быстрее от этого уходить, и я потом в никакие, не хотела ни комсоргом быть никаким, просто рядовым чтобы быть и все, так что мне было это неприятно.

- И.Ф. - Но вы в школе не чувствовали ведь дискомфорта между отношениями в семье и в школе.

- Л.С. - Нет, нет, не чувствовала.

- И.Ф. - А вы же какого года?

- Л.С. - 37-го.

- И.Ф. - 37-го. И, так сказать, но зато вы хорошо помните 53-й год. Когда Сталин умер.

- Л.С. - Да.

- И.Ф. - Что в школе было?

- Л.С. - Ну вот у нас учитель – мы были удивлены, что учитель наш истории плакал крокодиловыми слезами прямо.

- Н.И. - Может быть, искренне как раз.

- Л.С. - Может быть искренне, потому что я думаю, что он...

- Н.И. - Наверняка, ведь очень многие плакали (перерыв в записи)

- Л.С. - Вот он по-настоящему плакал, а мы, так сказать, многие даже повеселели, вот я говорю – повеселели там. Но мы очень здорово все это не обсуждали. Как-то вот тихо все это прошло. Вот так все равно. Я знаю, что вот там как-то разговаривала с моей воспитательницей блокадного детского сада, она говорит – а мы же были сумасшедшие, мы же рвались поехать в Москву его хоронить. Так мы его любили все и вообще мы думали – как дальше жизнь будет без него. Не знаю, у меня такого не было настроения – куда-то рвануться, или там... Но, конечно, мне было шестнадцать лет в то время, не знаю...

- И.Ф. - А скажите, вот из школьных впечатлений, да – вы Павлика Морозова же в школе проходили?

- Л.С. - Я всегда резко относилась к нему как к типу. Хотя я никогда об этом никому особо не говорила, но мне он был неприятен. Страшно неприятен. Ну конечно, это как – донести на своего отца и вообще все это... Не знаю, как-то... Ну, я не знаю – негуманно, что ли, или... я даже не могу объяснить вот свое отношение...

- Н.И. - Непорядочно просто.

- Л.С. - Да, вот – непорядочно сильно.

- Н.И. - Просто непорядочно.

- Л.С. - Нет, для меня он никогда не был героем, конечно.
- И.Ф. - Ну, наверное, это не единственное такое непринятие в школе...
- Л.С. - Наверное. Но ведь просто как-то и не думаешь особенно об этом, конечно, были и какие-то моменты несогласия, видимо, но. Открыто не выражали мы это вот в то время. Как-то вот странное такое чувство вот было, не знаю.

- И.Ф. - И вы никогда не обсуждали...

- Л.С. - Нет, нет.

- И.Ф. - А дома – был страх? Страх перед властью? Может быть, не конкретно перед арестом, но страх такой вот перед властью, не учили вас тому, что лучше там не высовываться, не перечить, делать как все...

- Л.С. - Об этом не говорилось, но страха не было, страха не было, я могу сказать, но дело в том, что, может быть, то, что война, то, что вот отец ушел в армию – двое детей с мамой остались в блокадном вот здесь, самое главное было вот выжить как-то у нас, вот я не знаю. И все время эти бомбежки бесконечные, и голод, но вот все равно вот я ходила в детский сад – как раз 42-й по 44-й, а в 44-м я уже пошла в школу, вот два вот эти года мы как-то в детском саду мы как-то перекаптовались. Хотя и многого я, конечно, не помню в то время – может быть, плохое питание было, может быть, даже, я не могу объяснить даже это.

- И.Ф. - А у вас остались какие-нибудь детские картинки – воспоминания от блокады?

- Л.С. - Остались. Остались – вот я помню, что мы спускались на первый этаж, у нас не было бомбоубежища, а квартира вот в подвальном помещении. Недалеко падала бомба, у нас там недалеко была такая воронка колоссальная, наверное, метров пятнадцать в диаметре. И дом у нас так вот шатался – это я помню, вот такое впечатление. Ну вот, помню, вот что самое – мою ближайшую подругу, как сказали потом уже, там спустя какое-то время – съели ее. Ну, когда она умерла – родители, или нет, видимо, родители там, съели. Вот эту Дину [подруга]) я так очень смутно помню, она моих лет, но не знаю... Я как-то вот... Ну а так вот, остальные жили в нашем доме и так и никуда не уезжали, и все-таки нет-нет мы где-то и виделись, конечно, мы ж выходили. И в детский сад надо было – нас отводить маме и все. ...нас она каждый день брала.

- И.Ф. - И вы всю блокаду здесь пробыли?

- Л.С. - Всю блокаду, да.

- И.Ф. - скажите, вот блокада – а было когда-нибудь в семье обсуждение, что слишком большой кровью...

- Л.С. - Нет, не было никогда обсуждения. Это уже теперь, когда я стала вот так сказать, уже бабушкой, уже как-то думаешь, что вот, наверное, что-то было сделано не так, можно было, наверное, как-то многого избежать. Но это чисто так из литературы уже, когда уже чего-то увидишь, узнаешь там, в музеи ходила – вот это обороны Ленинграда, там, вот его... Нет, как-то мы не обсуждали никогда.

- И.Ф. - А скажите, вообще рассказывали в семье про репрессии? Что там какого-то папиного сослуживца арестовали, маминого?

- Л.С. - Ну вообще, как-то что-то при нас они особенно не обсуждали, взрослые. Не потому, что там что-то боялись, а я знаю, они там вот – мы шли гулять, предположим, а сестра мамы жила на этой же площадке, мы в соседних квартирах жили, конечно, они более общались, естественно, там – дядя, тетя, и мои родители. Вот, но как-то мало знали. Ну, так, слышали там, что вот кто-то там, кого-то забрали, конечно, так, вскользь так – да, но не могу сказать, что вот при нас они так особо открыто говорили. Нет. Я думаю, что они хотели, чтобы мы как можно меньше знали, как мне кажется.

- И.Ф. - А почему, вы думаете? Они боялись?

- Л.С. - Значит, наверное, боялись.

- И.Ф. - А как вас в семье воспитывали? Кто – мама, папа, оба?

- Л.С. - Нет, дело в том, что папа, во-первых, был в финскую войну воевал, да, и в эту войну его в первый срок сразу тоже, я только не помню, где он это встретил, конец войны, не могу сказать, в каком городе, как-то это до меня не дошло. Не знаю. Так что вот когда меня он пришел встречать, а я вернулась из детского лагеря, после первого класса, как раз вот 45-й год, август, и я его, конечно, не помню, четыре года прошло, пока я не видела его, конечно, я поняла, что это папа, но он, так сказать, образа у меня никакого не было, и чужой бы дядя был – я бы его, наверное, папой назвала. Вот. И, конечно, вот так, конечно, было радостно, что он там вернулся, живой, хотя он тоже там был весь израненный, естественно. Вот, а потом как-то вот... не знаю. Я училась, и сестра у меня училась раньше в школе, родители работали, и никто по сути дела нами, по-моему, не занимался особо. Единственно, что вот мамина сестра – она долгое время, тетя, не работала и нас вот – мы придем из школы, она к нам прибежит, нам подогреет на керогазе там, а потом мы уже сами все это освоили, все сами грели себе, еду какую-то, чего-то. Не знаю, как-то не могу сказать, что какое-то там специальное педагогическое воспитание – некогда особенно было.

(конец записи)

Кассета №2, сторона А

- И.Ф. - Так что про влияние...

- Н.И. - Нет, но вообще... вот сейчас как-то... ну ничего, сейчас. В общем, жизнь моя, действительно, исковерканная получилась. Все у меня получилось не вовремя. Учение не вовремя, женитьба не вовремя, в общем, ребенок поздний,...

- И.Ф. - А сколько вам было лет, когда он родился...

- Н.И. - Сколько – сорок...

- Л.С. - Сорок пять.

- Н.И. - Сорок пять? А вот мой психический настрой – все это, я считаю, не изменило. Я служу по отношению ко мне, например, в техникуме – когда я был преподавателем. Я не могу похвастать, что я, так сказать, хороший был преподаватель, мне нужно было, я заведующий лабораторией, и тут я, ну недостаточно много сделал. Может быть, и у меня уже сил не было, я не знаю, может, умения не было, но тем не менее все это воспринималось как достаточное. Может быть, это уже я себя немножко строго сужу. Вот наша завуч – очень строгая. Ее боялись все, буквально, как огня. Так вот я вспоминаю – она ко мне на урок ни один раз не пришла. Сколько я... вот, не знаю, почему. К другим она ходила чуть ли не каждую неделю. Я ей бесконечно, потому что, я думаю, если бы... я ее тоже боялся, я думаю, если бы она пришла, я бы растерялся на уроке. Вот. Она ни разу ко мне не пришла. Директор один раз только у меня был. Ну, он такой более простой. Со всеми преподавателями у меня были очень хорошие отношения. Я бы не сказал, что вот такие, какие то, что запанибрата мы были. Нет. Но я чувствовал какое-то уважение, вот даже меня это удивляет. Вот такая была химичка, то есть физичка, простите, физику преподавала. Молодая женщина, она одно время была председателем цикловой комиссии. Там объединялись вот физики, автоматика, и еще несколько предметов она объединяла. Так она, когда я уходил на пенсию, мне было очень приятно – она сказала: Николай Иванович, поработав с вами, я почувствовала, что нужно быть более доброжелательной к людям. Она вообще была очень суровой. Да, так что она мне говорит – вот, когда она была председателем цикловой комиссии, она говорит – вот так мне вы говорите. А Крапкиной вы бы так не сказали. То есть она такая была девушка, с гонором. И вот тут она говорит, что вы знаете, я поняла, что я себя вела неправильно. Вот, ну и другие, председатель другой комиссии, как-то все, не знаю, очень добро ко мне относились. Никогда не было мне за мои провинности каких-то серьезных таких нагоняев.

- И.Ф. - А почему вы это связываете со своим жизненным опытом?

- Н.И. - Почему? Потому что я привык к доброжелательности, потому что иначе нельзя было, я бы иначе не прожил. Зачем мне с кем-то обострять отношения, в плену, в армии, в плену, в заключении. У меня были со всеми очень хорошие отношения. Не то, что я, ну, как-то, ну даже я не знаю, как сказать, что-то я запутался. Вот, не важно. Во всяком случае были на равных. Я никогда сам себя не ставил выше других, но и не давал это, умел себя защитить. Вот, это я уже сам забыл, но ведь были такие случаи – вот на этого, на Георгия Яковлевича, у которого была лаборатория, он вообще с собой всегда имел топор, и пробирку с серной кислотой. Уже бандиты знали. Как-то на него хотели напасть, он взял эту пробирочку и – вот здесь, говорит, смотрите. Капнул на тряпку – видите? Вот то же будет с вашим лицом. Но тем не менее вот как-то налетели на него туда, на его оранжерею. У него там... ну, оранжерея какая – что-то он выращивал. Вот, я на этих бандитов с ведрами налетел, это, в общем...

- И.Ф. - Это в Печоре, да?

- Н.И. - Это в Печоре, да. Вот, и когда потом после этого уже хотели меня эти бандиты избить, за то, что я там посмел, так тут сразу – вот, на Николая Ивановича там, хотят с ним что-то сделать. И уже возле меня сколько друзей оказалось, в общем, потом так все это и кончилось. То есть какой-то хороший и я получил опыт отношения с людьми.

- И.Ф. - А скажите, а вам не приходилось читать самиздат? В 70-е...

- Н.И. - Нет, нет-нет-нет.

- И.Ф. - А дети вот – они никогда не интересовались политическим устройством Советского Союза? Они не хотели обсуждать политические проблемы?

- Н.И. - Нет, я как-то вот уже с детства как-то я привык...

- И.Ф. - С вашего детства?

- Н.И. - Да, как-то я привык быть в стороне от политики.

- И.Ф. - Ну а дети-то могли, ваши дети могли заинтересоваться политикой?

- Н.И. - Вот сейчас, да не знаю, по-моему, они не интересуются.

- И.Ф. - А вы детей крестили?

- Н.И. - Крестили.

- Л.С. - Да, да, всех сразу.

- Н.И. - Как всех сразу?

- Л.С. - Нет, ну по мере, конечно, рождения внуков и детей, нет, ну с рождения, сразу крестили.

- Н.И. - И Катя у нас крещеная.

- Л.С. - Мы даже венчались с ним. В церкви.

- И.Ф. - А вы с этим легко согласились?

- Л.С. - Легко. А хотя я, можно сказать, не была особо неверующей, потому что, ну...

- Н.И. - Связь такая была.

- Л.С. - Да, такая была.

- Н.И. - Советская.

- Л.С. - Да, бабушка как-то вроде бы моя – мы с ней один раз ходили в церковь, вот сюда, в Преображенский собор, я не помню, в каком году – может быть, 50-й. Ну, я ни одной молитвы, естественно, не знала, а он предложил – пойдём, будем венчаться? Будем венчаться. И все, без всякого.

- Н.И. - Ну и сама крещеная, тоже...

- Л.С. - Я вообще-то была крещеная во время войны, да.

- И.Ф. - То есть у вас не было протеста?

- Л.С. - Нет.

- И.Ф. - А как во время войны – вы помните это?

- Л.С. - Нет, нет-нет. Нас мама, я помню, что дома она крестила, приглашала батюшку и все.

- И.Ф. - Вы помните это или только по рассказам?
- Л.С. - Нет, только по рассказам. Нет, я не помню, это, наверное, 41-й год был.
- Н.И. - И Катю мы крестили тоже у нас дома. Приходил батюшка. Это батюшка был любимым учеником матери... учеником отца моей первой жены. Вот отец Александр, он был очень видный, он пользовался большим авторитетом, он много жертвовал на великую войну, последнюю, а это был его любимый ученик. У нас с ним были очень близкие отношения, и он нам всех перекрестил.
- И.Ф. - А вы после войны в церковь ходили?
- Н.И. - Редко. Но ходил.
- И.Ф. - Ну что значит редко? На Рождество и на Пасху?
- Л.С. - Да, наверное.
- Н.И. - Да нет, в церковь иногда заходил тоже так, потом вот это самое – причащаться вот мы ходили, когда мы были в Кировограде на Украине, там как раз у моей племянницы рядом церковь...
- Л.С. - Эпизодически, все равно, раз в год если там...
- И.Ф. - А внуки крещены?
- Л.С. - Да, все крещены.
- И.Ф. - А дети в церковь ходят?
- Л.С. - Нет.
- Н.И. - Нет.
- Л.С. - И внуки не ходят.
- Н.И. - Ну, Катя не ходит...
- Л.С. - Оля тоже не ходит.
- Н.И. - Оля тоже не ходит, в общем
(конец записи)